

Научная статья

УДК 81; 81-25; 811.161.1; 811.131.1; 811.111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16309>

EDN: <https://elibrary/FZLWXT>

“LOQUOR ERGO SUM”: КОРПУСНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

О.В. Соколова

Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

 olga.sokolova@iling-ran.ru

Аннотация. В статье развивается концепция поэтической прагматики, понимаемой как тенденция современной поэзии к сближению с прагматикой обыденной коммуникации за счет использования языковых средств разговорной речи, которые в поэтическом дискурсе трансформируются, подчеркивая особый статус поэтического высказывания, не сводимого к обыденному. Исследование направлено на решение вопроса о том, как глаголы говорения функционируют в поэтическом дискурсе по сравнению с их использованием в обыденной речи. Анализ основан на корпусных методах и учете дискурсивной специфики прагматических единиц. Для проведения исследования был создан поэтический корпус объемом 3 млн слов на русском, итальянском и английском языках, данные которого сравниваются с данными национальных корпусов разговорной речи: НКРЯ (устный подкорпус), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano) и COCA (Spoken). Квантитативный анализ показал, что глаголы говорения встречаются чаще, чем другие репрезентативы и перформативы из других групп, во всех исследованных корпусах. Результаты выявляют, что если в обыденной речи такие глаголы часто оцениваются как избыточные, то в поэтическом дискурсе они приобретают дополнительные функции: выступают инструментами метаязыковой рефлексии и «прагматического эксперимента», реализуют автокоммуникативную, метатекстовую функции, функцию «иллокутивного самоубийства», а также участвуют в речевых актах молчания. Эти результаты позволяют глубже понять механизмы прагматического измерения языка, выявить прагматическую специфику современной поэзии и показать способность глаголов говорения развивать самый широкий спектр функций, а также использоваться в контекстах с неснятой полифункциональностью.

Ключевые слова: корпусная прагматика, иллокутивные глаголы, перформативы, поэтический дискурс, разговорная речь.

Для цитирования: Соколова О.В. “Loquor ergo sum”: корпусно-прагматический анализ глаголов говорения в поэтическом дискурсе и разговорной речи // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 128–145. DOI: 10.18721/JHSS.16309

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16309>

“LOQUOR ERGO SUM”: A CORPUS-PRAGMATIC ANALYSIS OF VERBS OF SPEAKING IN POETIC DISCOURSE AND COLLOQUIAL SPEECH

O.V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

 olga.sokolova@iling-ran.ru

Abstract. This article explores the concept of poetic pragmatics, which is defined as the tendency of contemporary poetry to converge with the pragmatics of everyday communication by employing a range of linguistic devices that are characteristic of ordinary speech. However, poetic discourse transforms these devices to emphasize the unique nature of poetic utterances, which are not equivalent to everyday speech. The study addresses the question of how verbs of speaking function pragmatically in poetic discourse compared to their use in everyday communication. The analysis draws on corpus-based methods and discourse-specific insights, using an original poetic corpus comprising 3 million words in Russian, Italian, and English, alongside spoken language corpora: the Russian National Corpus (spoken subcorpus), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano), and the spoken section of Corpus of Contemporary American English. The results reveal that, while these verbs are often considered redundant in everyday speech, in poetic contexts they acquire additional functions and meanings. They serve as instruments of metalinguistic reflection and enable a “pragmatic experiment”, developing functions such as autocommunicative, metatextual, illocutionary suicide, and participation in speech acts of silence. These results offer deeper insights into the mechanisms of the pragmatic dimension of language, highlight the distinctive pragmatic features of contemporary poetry, and demonstrate the ability of verbs of speaking to evolve a broad spectrum of functions and to operate in contexts marked by persistent multifunctionality.

Keywords: corpus pragmatics, illocutionary verbs, performatives, poetic discourse, colloquial speech.

Citation: Sokolova O.V., “Loquor ergo sum”: A corpus-pragmatic analysis of verbs of speaking in poetic discourse and colloquial speech, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 128–145. DOI: 10.18721/JHSS.16309

Введение

Во второй половине XX в. в лингвистике происходят глубокие сдвиги, связанные с переходом от структуралистской парадигмы к антропоцентрическому подходу в исследовании языка. Опираясь на идеи Э. Бенвениста о субъективности как грамматической категории, проявляющейся, прежде всего, в системе местоимений, Ю.С. Степанов вводит понятие «антропоцентрического принципа», которое в дальнейшем развивает в рамках «философии эгоцентрических слов», основанной на новом принципе, альтернативном по отношению к классическому декартовскому «*Cogito, ergo sum*», где выдвигается в фокус человек говорящий: «*Loquor, ergo sum*» («Я говорю, следовательно, я существую») [1, с. 429].

Представление о языковом высказывании как о действии, способном влиять на внеязыковую реальность, оформилось в 1960–е гг. в рамках теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, концепции субъективности Э. Бенвениста и принципе кооперации Г. Грайса.

Хотя основная часть современных работ по лингвопрагматике сосредоточена на анализе спонтанной разговорной речи, все большее внимание уделяется дискурсивной специфике прагматических единиц в институциональных дискурсах. На фоне этого подхода немногочисленные, но значимые исследования демонстрируют возможность применения прагматических методов к анализу художественного текста. Поэтику «эгоцентрических слов» развивает Ю.С. Степанов,

С.Т. Золян разрабатывает теорию поэтической прагмасемантики [2], прагматические аномалии в художественном дискурсе исследует Т.Б. Радбиль [3], коммуникативную природу поэтического акта изучают М. Краксенбер [4] и А. Капоне [5], исследование парадигмальных изменений поэтического высказывания под влиянием перформативного поворота проводит В.В. Фещенко [6]. Анализируя недавно обнаруженные архивные материалы Э. Бенвениста, посвященные поэтическому языку, В.В. Фещенко подчеркивает положение о поэтическом высказывании как «действии»: поэтический язык «направлен не на говорение (*dire*), а на действие (*faire*)» [6, с. 183].

Учитывая существующие подходы, мы развиваем концепцию поэтической прагматики на материале новейшей поэзии, которая, с одной стороны, сближается с прагматикой обыденной коммуникации, а с другой — демонстрирует особый статус поэтического высказывания, не равного обыденному и использующего арсенал прагматических языковых средств для новых эстетических задач¹.

Материал и методы

В настоящей статье мы рассмотрим особенности анализа прагматических явлений в аспекте корпусного подхода, а также с учетом специфики их функционирования в поэтическом дискурсе. Более подробно будут исследованы прагматические функции иллокутивных глаголов, формирующих речевые акты. Согласно теории речевых актов, особенности их функционирования связаны с тем, что их употребление позволяет говорящему осуществить высказывание как действие [8]. К иллокутивным глаголам относятся и глаголы говорения, или *verba dicendi*.

Данное исследование методологически восходит к ставшим классическими подходам в лингвопрагматике [9; 10 и др.]. Развивая понятие субъективности в языке, Э. Бенвенист разграничивает полноточные слова, например *дерево*, «с которым соотносятся все индивидуальные употребления слова *дерево*», и эгоцентрические единицы, например *я*, имеющие «референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего» [11, с. 295]. К таким категориям, которые реферируют к акту высказывания, наполняясь дополнительным значением и являясь формами проявления субъективности в языке, он относит, в частности, показатели дейксиса и иллокутивные глаголы [Там же]. Важным развитием этой концепции стала теория «эгоцентрических слов» Ю.С. Степанова как слов и выражений, которые ориентированы на *Я* говорящего и включают, прежде всего, само слово *Я*, *здесь* и *сейчас* [12, с. 224]. Опираясь на определение С. Левинсоном «прагматики» как области лингвистики, которая охватывает «взаимосвязь языковой структуры и принципов ее использования» [10, с. 9], к этим единицам можно также отнести дискурсивные маркеры.

Учитывая, что в лингвистике сложились различные подходы к определению «дискурсивных маркеров», «прагматических маркеров», «прагмем» и других единиц, относящихся к области к прагматики [13–16], представляется продуктивным введение более общего по отношению к ним термина — «прагматические единицы», являющегося гиперонимом и охватывающего отдельные подгруппы прагматических элементов (дейктические показатели, дискурсивные маркеры, иллокутивные глаголы и др.). В статье [17] предложено определение прагматических единиц как таких языковых элементов, которые выполняют коммуникативные и метаязыковые функции, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания, указывают на координаты коммуникативного акта, а также обладают способностью ссылаться на контекст высказывания, структурировать дискурс и участвовать в организации интеракции².

¹ См. подробнее о концепции поэтической прагматики в [7].

² В [17] был использован термин «прагматические маркеры». Однако в дальнейшем он скорректирован с целью ухода от омонимии, поскольку в лингвистике существует узкое понимание «прагматических маркеров» как «дискурсивных маркеров» [14; 18 и др.]. Предлагается использовать термин «прагматические единицы».

В настоящей статье представлены результаты корпусно-дискурсивного анализа, направленного на исследование прагматики поэтического дискурса на фоне разговорной речи. Разработанный анализ включал несколько этапов, который кратко рассматривается ниже³.

На первом этапе был составлен поэтический корпус (ПК), включающий три подкорпуса текстов на русском, английском и итальянском языках. Общий объем корпуса составил около 3 млн слов: по 1 млн слов в подкорпусах русско-, англо- и италоязычной поэзии. В корпус вошли тексты «новой» поэзии с 1960-х по 2020-е гг., под которой мы понимаем инновационную поэзию последних десятилетий; около 50 авторов в подкорпусе на каждом языке, в среднем по одной-две книги каждого автора.

Общие критерии составления ПК:

1) **Критерий отбора по профессиональному признаку:** поэтические тексты профессиональных поэтов, опубликованные в «толстых» журналах, авторских сборниках, выпущенных в признанных издательствах, а также на электронных профессиональных поэтических площадках.

2) **Жанровый критерий:** преимущественно стихотворение (80%), реже – поэма, поэтический цикл и др.

3) **Авторы:** Л. Рубинштейн, Д.А. Пригов, А. Парщиков, А. Драгомощенко, А. Скидан, А. Глазова, Е. Фанайлова, Б. Уоттен, К. Харриман, Л. Хеджинян, Ю. Осташевский, Н. Балестрини, Э. Сангвинети, А. Джулиани, Л. Баллерини, Дж. Френе, Д. Полетти, Э. Донзелли и др.

4) **Источники:** электронные библиотеки – vavilon.ru; Новая карта русской литературы: <http://www.litkarta.ru> и др.; авторские сайты – Виктор Соснора: <https://www.sosnora.poet-premium.ru/poetry.html>; Барретт Уоттен: <https://barrettwatten.net/> и др.; антологии – “Postmodern American Poetry” (под ред. П. Хувера, 1994); “Tempo: Excursions in 21st Century Italian Poetry” (под ред. Л. Пачи, 2023); авторские книги и др.

5) **Тип системы стихосложения:** преимущественно свободный стих, наиболее характерный для современной поэзии на европейских (в том числе английском) языках (70%), что необходимо учитывать для сопоставления с русскоязычной поэзией, а также силлабо-тоническое стихосложение (30%).

В связи с проведением сопоставительного анализа поэтического дискурса на разных языках для целей нашего исследования не мог быть использован поэтический подкорпус НКРЯ, поскольку он сформирован по другим критериям: будучи инструментом работы как для лингвистов, так и для стиховедов, он состоит преимущественно из силлабо-тонической поэзии.

Таким образом, анализ данных поэтического корпуса отражает актуальные языковые процессы, в которых по-разному реализуется установка как на семантический и синтаксический, так и на прагматический эксперимент. Это позволит выявить более широкий спектр значений и функций для языковых единиц по сравнению с обыденным языком.

С учетом тенденции современной поэзии к сближению с разговорной речью и использованию характерных для нее прагматических средств (подробнее о взаимодействии поэтического дискурса и обыденного языка см. в [7]), для исследования специфики функционирования прагматических единиц в новейшей поэзии на фоне их конвенционального использования соответствующие корпуса (и подкорпуса) устной речи: НКРЯ (Национальный корпус русского языка, устный подкорпус), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano) и COCA (Corpus of Contemporary American English, Spoken)⁴.

На втором этапе был составлен список прагматических единиц, при формировании которого первоочередное внимание было уделено показателям, релевантным для анализа языковых явлений на трех языках, с учетом различия их строя, в виду чего были отобраны иллокутивные глаголы (репрезентатив, директив, комиссив, экспрессив, декларатив, квеситив и др.), дейктические

³ Более подробное описание этого проекта и этапов проведенного анализа см. в [17].

⁴ О сопоставительном анализе разных типов дискурса с учетом корпусных данных см. [19].

показатели (личные, пространственные и временные) и дискурсивные маркеры (интерперсональные, метатекстовые и контекстуальные).

На третьем этапе анализа было проведено аннотирование корпуса с помощью разметки прагматических единиц. Были использованы количественные методы, включающие общий подсчет данных по количеству употреблений прагматических единиц в корпусе посредством автоматической и ручной обработки ПК с помощью программы AntConc, и качественные, которые представляли анализ функционирования отобранных единиц в поэтическом дискурсе на фоне их употребления в разговорной речи. Качественный анализ представлял составление «портретов» единиц, который включал указание источника контекста (автора и название текста) и особенности функционирования в поэзии. Далее был проведен сопоставительный анализ количественных показателей: данные ПК сравнивались с данными разговорных национальных корпусов, что позволило сделать выводы о частотности употреблений прагматических единиц в поэтическом и быденном языке, исходя из количества вхождений на миллион слов. Сводная таблица, отражающие количественные данные по употреблению иллокутивных глаголов, приведена ниже.

Иллокутивные глаголы говорения

Поскольку далее мы рассмотрим в качестве кейса иллокутивные функции глаголов говорения, то здесь кратко охарактеризуем их специфику.

Глаголы говорения, или глаголы речи (лат. *verba dicendi*) — это глаголы, обозначающие сам акт речи или вводящие цитату. Термин «*verba dicendi*», объединяющий глаголы говорения, восходит к античным грамматикам, где он выделялся наряду с *verba iubendi* (глаголы приказания), *impediendi* (глаголы запрета) и др. Традиционно к этой группе относятся глаголы *говорить, сказать, рассказать*, однако многие исследования ограничиваются выделением наиболее типичных представителей этой группы, не приводя полные списки этих глаголов. В современной лингвистике сложились разные подходы к классификации *verba dicendi*: некоторые исследователи выделяют их как более общую группу, куда входят разные подгруппы глаголов [20, 21], в том числе иллокутивные глаголы [22].

Стремясь выделить глаголы говорения как особую подгруппу в рамках иллокутивных глаголов, а также опираясь на существующие классификации, можно отнести к *verba dicendi* более широкий и более узкий списки глаголов. Так, уточняя достаточно широкую классификацию Т. Де Мауро, в расширенный вариант классификации *verba dicendi* можно включить такие из выделенных им подгрупп, как общеязыковые глаголы: *dire, parlare, segnare*, глаголы, обозначающие общие коммуникативные и семиотические речевые действия: *comunicare, esprimere*, и глаголы, обозначающие фонетические формы выражения речи: *balbettare, bisbigliare, borbottare, gridare, sbraitare, strillare* и др. [22, с. 867–869]; подробнее о последней группе глаголов см. [23]. Эта классификация во многом пересекается с предложенной И.А. Ермолаевой таксономией, сформированной на основе подхода А. Вежицкой, в рамках которой выделена группа «собственно глаголов речи» [21, с. 364].

Наиболее продуктивной для нашего исследования (учитывая специфику выбранных дискурсов и наполняемость корпусов) представляется классификация А. Вежицкой, создавшей для английского языка словарь глаголов речи в терминах примитивов [20], в рамках которого она выделяет «Tell-группу»⁵. Эта группа включает глаголы, соответствующие «ядерным» единицам глаголов говорения: *tell, report, narrate, relate, recount, describe* и *explain*⁶. Поскольку глагол *tell* описывается в Словаре через *say*, являющийся семантическим примитивом, последний не выделяется в виде отдельного глагола, но, согласно рассмотренным выше классификациям, *say*

⁵ Аналогии в русском языке: *говорить, сказать, сообщить, описать, рассказать, повествовать, изложить, объяснить*; в итальянском языке: *dire, parlare, informare, descrivere, raccontare, narrare, esporre, spiegare*.

⁶ В Словаре А. Вежицкой также выделяется глагол *lecture*, но по причине редкого употребления в современном английском языке, мы не будем его рассматривать.

также относится к «ядру» группы глаголов говорения. Современные исследования [24, с. 155] предлагают новые классификации глаголов говорения, основанные на их семантических и синтаксических свойствах, выделяя, в частности, подгруппу REPORT, глаголы которой относятся к способу представления сообщения (*say, declare, assert* и др.), подгруппу INFORM, выражающую способ, которым сообщение передается адресату (*lecture, agree (with), remind* и др.) и подгруппу TELL, которая относится и к сообщению, и к адресату (*tell, ask, request* и др.). При этом *tell* объединяет синтаксические характеристики двух других подгрупп [Там же]. Это позволяет сделать вывод об актуальности классификации Вежбицкой, принятой за основу нашего исследования.

Отметим, что рассмотрение глаголов, выделенных в рамках данных классификаций, на предмет соответствия их «ядру» группы *verba dicendi* требует отдельного подхода, основанного как на данных национального корпуса, так и на данных корпусов разных дискурсов, и не входит в рамки этого исследования.

Выделяя разные семантические компоненты *говорить* (произносить последовательность звуков; являться носителем смысла; считать, что *M*; хотеть, чтобы *Y* считал / знал, что *M*; хотеть, чтобы *Y* осуществил действие *M*), Анна А. Зализняк отмечает возможность их совмещения [25, с. 166–167].

Еще одной важной особенностью перформативов является их «автореферентность», т.е. способность обозначать то самое действие, которое происходит при осуществлении данного высказывания [11, с. 297] (ср. *Настоящим удостоверяю; I hereby declare*).

Исследование автореферентных высказываний при обращении к поэтическому дискурсу открывает новое измерение понимания перформативности, поскольку поэтический текст по своей природе является автореферентным, согласно функциональной модели Р. Якобсона, который выделяет среди прочих поэтическую функцию, определяя ее как направленность на сообщение и фокусирование внимания на сообщении ради него самого [26].

Можно сделать вывод, что поэтическое высказывание как речевой акт обладает двойной автореферентностью: с одной стороны, оно может обозначать само совершение речевого действия (высказывание в перформативной форме), с другой, благодаря внутренней саморефлексивности оно сосредоточивает внимание на самом факте языкового выражения, а в данном случае — на прагматическом эксперименте с ним. Таким образом, используя речевые акты, поэтический дискурс, в отличие от обыденной коммуникации, где употребление перформатива означает совершение действия, рефлексивно сообщает о себе и как о действии, и как о форме, совмещая прагматический и эстетический уровни референции. Поэтическое высказывание интенционально заявляет о своем перформативном характере, осознанно демонстрируя, что оно само является действием, т.е. не просто сообщает нечто, а совершает речевой акт, и при этом рефлексивует его.

Например, в стихотворении Д. Давыдова: *ты не даешь ответ, но я не о тебе, / я говорю о том и с тем, чему названья нету, / поэтому не стоит нам на эту, / да и на ту вот даже начинать* двойная автореферентность реализуется за счет того, что во фразе *я говорю о том и с тем, чему названья нету* содержится прямая отсылка к самому речевому акту, т.е. говорение является темой высказывания. Но данный поэтический текст не только обозначает акт речи, он им и является, следовательно, в нем совпадают план высказывания и план действия, т.е. совершается автореференция и в предметном, и в коммуникативном плане.

Если в разговорной речи «я говорю» означает речевой акт, сигнализирующий, что сейчас последует определенная информация, неизвестная слушающему и важная для говорящего, то в поэтическом дискурсе у него появляются дополнительные значения: он становится актом самоопределения и самоописания субъекта как говорящего, может указывать на отношение с неопределенным адресатом (как в данном примере, *с тем, чему названья нету*), размывая традиционную адресацию речи, а также демонстрировать, что речь направлена на «ничто», на невыразимое, тем самым проблематизируя саму возможность речевого акта.

Для понимания иллокутивной природы глаголов говорения важным является утверждение Е.В. Падучевой о специфичности их функционирования: «Компонент ‘Я говорю, что’ с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в произносимом предложении с обязательностью опускается. Следовательно, если компонент ‘Я говорю, что’ сохраняется в предложении, то это потому, что *говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение» [27, с. 138]. Говоря об избыточности эксплицитного выражения модуса говорения в настоящем времени, Р.А. Говорухо делает вывод о том, что этот «избыточный в семантическом отношении элемент выполняет строевую или стилистическую функцию» [28, с. 145].

Специфика функционирования глаголов говорения как показателей субъективности, связанная с экспликацией компонента «я говорю», помимо лингвопрагматического имеет и более широкое, лингвофилософское значение, что выражается в приведении Ю.С. Степановым нового положения «*Loquor, ergo sum*» как основы нового «антропоцентрического принципа» [1, с. 429]. Обращаясь к анализу связи речи и поведения, Н.Д. Арутюнова вводит понятие «речеповеденческих действий», которые оформляются с помощью перформативов, и выделяет в качестве ключевой их черты — адресованность, обращенность к другому, что отличает их от поступка, который может не иметь адресата [29, с. 643].

Таким образом, специфичность глаголов говорения обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления в контексте, а с другой, расширением их функционирования по сравнению с остальными иллокутивными глаголами. Эта идея полностью подтверждается данными ПК, что проявляется в частотности их употребления и в выражении дополнительных функций.

Далее был проведен сопоставительный анализ количественных показателей (табл.): данные ПК сравнивались с данными разговорных национальных корпусов, что позволило сделать выводы о частотности употреблений прагматических единиц в поэтическом и быденном языках, исходя из количества вхождений на миллион слов.

Отметим, что для удобства систематизации иллокутивных глаголов мы указывали их в таблице в инфинитивной форме, но при корпусном анализе мы рассматривали формы, которые соответствуют 1-му лицу единственного и множественного числа настоящего времени индикатива (в английском языке мы учитывали также настоящее продолженное время (*Present Continuous*)). Хотя исследователи относят к иллокутивным глаголам наряду с прямыми (или эксплицитными) перформативами также косвенные (или имплицитные, скрытые) перформативы, когда иллокутивное намерение говорящего не совпадает с буквальным значением высказывания, а выводится контекстуально (например, *Не могли бы вы передать мне соль* или *Курить запрещено*) [27; 30, с. 196; 31; 32]⁷, для корпусного анализа обширных групп единиц эксплицитные перформативы представляются наиболее репрезентативными.

Согласно данным квантитативного анализа, как в разговорной речи, так и в поэтическом дискурсе из всех иллокутивных глаголов наиболее частотными являются иллокутивные глаголы говорения (далее — ИГГ): *говорю, скажу, say, tell, dico, parlo*, которые употребляются чаще всех остальных глаголов говорения и других иллокутивных глаголов. Это связано как с их полисемией, так и с особой перформативной природой: выделенные Дж. Остиным требования конвенциональной ситуации и необходимость соблюдения условий успешности (условие искренности и другие предварительные и существенные условия), более строгие для остальных речевых актов, понижаются для глаголов речи, что позволяет употреблять их в функции других иллокутивных глаголов.

⁷ Анализ прямых и косвенных перформативов как ключевых прагматических феноменов в поэтическом и политическом дискурсах 1920–1930-х гг. см. в [33].

**Таблица. Частотность употребления иллокутивных глаголов
в ПК и разговорных национальных корпусах**
Table. Frequency of use of illocutionary verbs in the PC and colloquial national corpora

Иллокутивные глаголы (РЯ ⁸)	ПК (РЯ)	НКРЯ (РЯ)	Иллокутивные глаголы (АЯ ⁹)	ПК (АЯ)	СОСА (АЯ)	Иллокутивные глаголы (ИЯ ¹⁰)	ПК (ИЯ)	KIParla (ИЯ)
Глаголы говорения								
говорить	296	892	say	250	753	dire	267	1036
сказать	94	213	tell	81	328	parlare	155	193
сообщить	4	3	report	0	12	informare	1	2
описать	1	2	relate	3	5	descrivere	1	3
рассказать	26	56	recount	1	0	raccontare	63	37
повествовать	0	0	narrate	0	0	narrare	0	0
изложить	0	1	describe	12	3	esporre	2	1
объяснить	5	13	explain	4	2	spiegare	5	16
Другие иллокутивные глаголы (выборочно)								
просить	32	108	require	2	2	pregare	39	56
требовать	4	10	reject	9	1	raccomandare	5	10
клясться	13	18	swear	8	52	giurare	19	49
предлагать	6	48	promise	4	2	promettere	9	4

Поскольку глагол *сказать* является глаголом совершенного вида, в русском языке он не образует форму настоящего времени, которая заменяется будущим временем: *скажу*. Однако мы включаем его в классификацию глаголов речевого действия, поскольку он обозначает акт высказывания и может выполнять иллокутивную функцию (например, *Я скажу тебе правду* – коммисив). Кроме того, форма *скажу* выполняет те же иллокутивные функции, что и формы настоящего времени несовершенного вида, и в обыденном языке часто употребляется в функции речеактного глагола: *Я тебе скажу*; *Скажу честно*; *Скажем прямо* и др.

Среди других ИГГ наиболее частотны в обоих дискурсах и во всех трех языках: *рассказать*, *recount*, *raccontare* и *объяснить*, *explain*, *spiegare*. Это связано с тем, что глагол *рассказать* маркирует акт наррации, в рамках которого говорящий не просто сообщает факт (как в случае с *говорю*), а структурирует событие в виде законченного повествовательного высказывания. Таким образом, *рассказать* (а также *recount*, *raccontare*) совмещают репрезентативную функцию (описание действительности), а также (согласно [20, с. 293]) «воссоздает последовательность событий», что можно обозначить как метатекстовую функцию, обладая при этом большей субъективностью по сравнению с *narrate* «в подразумеваемом внимании к описываемым деталям, к тому, как развивались события». Частотность *объяснить* (а также *explain*, *spiegare*), возможно, связана с заложенным в нем перлокутивным эффектом – воздействием на восприятие слушающего, поскольку в этом глаголе заложено стремление говорящего устранить неясность, представить причины, цели или логические связи между событиями. Согласно А. Вежбицкой, «*объяснить* что-либо (X) означает, возможно, сделать так, чтобы другие люди смогли понять это, то есть смогли узнать некоторые вещи об X, которые можно узнать, размышляя о нем» [Там же, с. 297].

Таким образом, высокая частотность глаголов *рассказать* и *объяснить* в поэтическом и разговорном дискурсах обусловлена их многофункциональностью как иллокутивов, способных одновременно выполнять функции репрезентации, интерпретации и речевой рефлексии, а

⁸ РЯ – русский язык.

⁹ АЯ – английский язык.

¹⁰ ИЯ – итальянский язык.

также их способностью нарушать или переопределять традиционные условия искренности и референции, особенно в поэтическом контексте.

Хотя иллокутивные глаголы в поэтическом дискурсе в целом употребляются реже, чем в разговорной речи, тем не менее заметна высокая частотность их употребления, а в некоторых случаях, как с глаголами говорения *raccontare, describe, explain, esporre* и другими ИГГ *promettere, promise, клясться, reject*, выявлено почти в два раза больше вхождений или близкое по частотности количество.

Результаты

Далее мы рассмотрим реализацию ИГГ по данным корпусов устной речи и ПК¹¹ с целью сопоставления специфики их употребления и различий в иллокутивной нагрузке при формировании поэтического и обыденного высказывания.

Основные функции, в которых используются ИГГ

1) **Репрезентатив** (констатив, ассертив) — тип речевого акта, с помощью которого говорящий описывает реальность, утверждает, констатирует, сообщает или выражает убеждение в истинности высказывания. Характерная синтаксическая структура: придаточное предложение с союзами *что; che; (that)*¹², косвенное дополнение с предлогами *o; di; about, of* или высказывание в форме прямой речи.

По данным национальных разговорных корпусов (НКРЯ (устный подкорпус), KiParla и COCA (Spoken))¹³:

РЯ: Андерсон Кирилл Михайлович: *Я говорю / что я как-то вот на собственном опыте я прихожу к выводу / что фатализм / это самое правильное* [К.М. Андерсон, Б.А. Прокудин. Беседа с К.М. Андерсоном. Запись Б.А. Прокудина (2013)]¹⁴

ИЯ: *il gatto si mangia le galline // sì ti dico che era un predatore // # e andavo da zio giacomo x vedi? quel gatto tuo sempre a mangia a chest gallina l'ha uccisa*¹⁵ (KPS018)¹⁶

АЯ: *Yes. Well, I say that's right. I think that is a signal. And when the dog doesn't bark, you learn something, right?*¹⁷ (SPOK: CNN: CNN Newsroom)¹⁸

По данным ПК:

РЯ: *Я говорю, что сам приготовлю ужин, потому что / мне не хочется, чтобы она что-то пропустила* (И. Данишевский); *Я говорю / Что оно всегда / Что мы / Увидим ее* (Е. Костылева)

ИЯ: *spengo come posso ogni cosa e poi l'accendo / e poi la spengo / e poi? / dico¹⁹ che sono malate / cosa scriviamo?*²⁰ (S. Dibiasi); *è il sole sotto vetro cade il tempo in pulviscolo al di / qua delle tendine io dico di questi chicchi in fila uno è il semprevivo dei tetti*²¹ (A. Lumelli)

АЯ: *I say the earth is porous and we fall constantly*²² (P. Gizzi); *Yes. In private, in bed, at night, with my head / turned sideways on the pillow. No wonder I say that I love to sleep*²³ (L. Scalapino)

¹¹ Все примеры приводятся на трех языках: русском (РЯ), итальянском (ИЯ) и английском (АЯ). Подстрочный перевод примеров сделан автором — ОС.

¹² В английском языке союз *that*, вводящий придаточное предложение, может быть опущен. Опускание русского *что* возможно, но не так свободно, как в английском: это допустимо в устной речи.

¹³ Ссылки на цитаты из национальных корпусов приводятся в том формате, который автоматически выдается в каждом из этих корпусов.

¹⁴ Здесь и далее русскоязычные примеры устной речи взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹⁵ Кот ест кур // да, я тебе говорю, он был хищником // # и я пошел к дяде Джакомо, типа видишь? твой кот все время ест этих кур — он ее убил

¹⁶ Здесь и далее италияязычные примеры устной речи взяты из корпуса KiParla (<https://kiparla.it/>).

¹⁷ Да. Ну, я говорю, что это правильно. Я думаю, что это сигнал. И когда собака не лает, вы чему-то учитесь, верно?

¹⁸ Здесь и далее англоязычные примеры устной речи взяты из корпуса COCA (<https://www.english-corpora.org/coca/>).

¹⁹ Анализ итальянского речевого глагола *dire* см. [34].

²⁰ Я выключаю все, как могу, а потом включаю / и снова выключаю / а потом? / говорю, что они больны / что напишем?

²¹ это солнце под стеклом время падает в пыль по / эту сторону занавесок я говорю об этих зернах в ряд одно это бессмертник крыш

²² Я говорю, что земля пористая, и мы постоянно падаем

²³ Да, наедине, в постели, ночью, повернув голову / на подушку. Неудивительно, что я говорю, что люблю спать

2) ИГГ могут выполнять роль других речевых актов (например, декларатива, директива, коммиссива и др.).

Как утверждал З. Вендлер, «некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллокутивной целью». Например, *предупреждать*, в зависимости от контекста может обладать функцией и директива, и репрезентатива. Во фразе «Предупреждаю: отстань от моей жены!» — это директив, а в «Предупреждаю, что бык вот-вот бросится» — репрезентатив [35, с. 246].

Одна из наиболее распространенных функций, которую дополнительно выполняют ИГГ, это **вопрос (квеситив)**.

По данным национальных корпусов:

РЯ: Ольга Савельева: *Я говорю / что это меняет? Я не знаю вашего директора / я понимаю / что вы / наверное / знаете...* [Выступление на дискуссии «Грабли благотворительности» в Общественной палате РФ (2019)]

ИЯ: *eh vi ve~ fate mai cose non lo so qua a medicina ci sono mh a~ non dico attività però attrazioni?*²⁴ (KPS213)

АЯ: *I say what are you talking about, man? He says, yeah, well, you know, the “Airplane” movies* (SPOK: Fresh Air 12:00 AM EST)

По данным ПК:

РЯ: *А сказали, что здесь — предсчастье. Где же счастье?» — я говорю. / И глазами уже горю. «В смерти ли? Но там...* (В. Соснора)

ИЯ: *Chiedo in giro e nessuno sa / cosa indichino — esattamente, dico — / che luogo sia, dove, se una fortezza / o una chiusa*²⁵ (V. Magrelli)

АЯ: *& I see a small face sticking out like a // to mesmerize, to suck you in to leave all out to include all, you gotta be ready you're ready, eyes / violate as I do every day, all born. Now you tell me, can I say that*²⁶ (B. Mayer)

Дополнительные иллокутивные функции

Если базовые функции ИГГ, которые были рассмотрены выше, схожи по форме выражения и той перформативной роли, которую они выполняют в обыденном и в поэтическом высказываниях, то анализ дополнительных функций позволяет выявить установку на прагматический эксперимент в поэзии²⁷.

Такая склонность глагола *говорить* к одновременному выражению разных значений оказывается продуктивной в поэзии, стимулируя авторов к дальнейшему расширению полисемии и употреблению глаголов речи в новых значениях, вплоть до противоположных смыслов отказа от говорения или молчания. Это выражается с помощью активизации полисемии и полифункциональности этих глаголов.

3) **Автокоммуникативная функция** восходит к концепции автокоммуникации Ю.М. Лотмана [36] и выражает автоадресацию художественного сообщения. Это такой речевой акт, который ориентирован на адресата, в роли которого выступает сам адресант. Исходя из выделения Н.Д. Арутюновой адресованности как ключевой коммуникативной черты перформативов [29, с. 643], можно подчеркнуть особую важность автокоммуникативной функции, которая проявляется в поэтическом высказывании, повышая его иллокутивную силу.

Распространенная форма ее выражения — с помощью возвратного местоимения (*я говорю себе* в русском языке и (*I say to myself* в английском, а в итальянском — посредством местоимения первого лица в косвенном падеже *mi* с глаголом *dico*).

²⁴ э-э, вы когда-нибудь делали что-то, чего я не знаю, здесь, в медицине, есть же мх а~ Я не говорю о мероприятиях, а о достопримечательностях?

²⁵ Спрашиваю повсюду, и никто не знает, / на что это указывает — точно, **говорю** — / что это за место, где оно, крепость ли это / или ограда

²⁶ Я вижу маленькое лицо, выглядывающее, словно //, чтобы заморозить, втянуть, отбросить все и вобрать все, надо быть готовым, ты готов, глаза / нарушают, как я делаю каждый день, все рожденные. Теперь ты скажи мне, **могу ли я так сказать**

²⁷ О понятии «языкового эксперимента» в словесном творчестве как системном явлении, в котором взаимодействуют научный и художественный способы постижения реальности и который приводит к качественному изменению исходного материала, см. [37, с. 101].

По данным национальных корпусов:

РЯ: Ирина: *A? Не затягиваем. Говорю себе сама / да. Соответственно / с гостиницей: есть такое понятие hold option / да?* [Тренинг туристической фирмы (2007)]

ИЯ: *avendo sta certezza ho detto okay non è che stomh dando fastidio // mentre se ho il dubbio mi dico // vabbè sì // ti pesa // dico magari poi questo qua pensa che*²⁸ (KPN030)

АЯ: *who at least give him some briefing about that. Nevertheless, I say to myself, what else do you have really to gain by sort of re-litigating this and*²⁹ (SPOK: THE FIVE 9:00 PM EST)

В устной речи автокоммуникация носит регулирующий характер, когда говорящий «озвучивает» свои мысли, фиксируя аналитический процесс организации высказывания, или терапевтический, когда проговаривание используется с целью самоподдержки. Формально эти высказывания отличаются простотой и фрагментарностью, они грамматически и интонационно ограничены (*Говорю себе сама / да; mi dico // vabbè sì*), они могут включать различные дискурсивные маркеры: hesitation, metatextual, выражающие отношение к собственному высказыванию (конечно, ну, magari и др.).

По данным ПК:

РЯ: *тянешься так / что рябь только мыслиться может: / что же? — себе говорю / место ль не тронута бывшего взгляда / над смежною песнею ли гречки стуча по-воздушному / ау-проглянуло / и — нет?* (Г. Айги); **Я говорю себе:** *пройдет, / пройдет зима, давление войдет в норму, и я усну, и / солнце будет теплым* (Х. Закиров)

ИЯ: *che nutre il suo male: conoscere. Che sarà mai!, mi dico, / e intanto frugo avidamente per / rintracciarne / la curva, segno e solco irreversibile*³⁰ (V. Magrelli)

АЯ: *Am I not bound, I guess, (I say to myself) to regard him tenderly, / to concentrate on the man's trunk instead of his face, which in this case, / is so impassive*³¹ (L. Scalapino); *As the alarm clocks go off we say to ourselves it's time / Or to each other we say it / And, elbows to bed, hands to head*³² (L. Hejirian)

Кроме того, в итальянской поэзии глагол *dire* может иметь возвратную форму *dirsi* в значении «называть», «нарекать», выступая при этом в роли декларатива, в поэтических контекстах актуализируется полисемия, когда он совмещает обе две функции:

*Anch'io mi chiamo cane, anch'io mi dico bestia / per questa mia virtù di crescere nell'erba*³³ (E. Isgrò)

В отличие от разговорной речи, в поэзии автокоммуникация носит не регулирующую, а рефлексивную функцию, направленную на осмысление когнитивных процессов порождения слова и языка, автономии и границ внешней и внутренней коммуникации (*что же? — себе говорю...*). По сравнению с речевой конвенцией, где глаголы употребляются в одной функции во избежание двусмысленности (в примерах из разговорных корпусов, это в основном функция комиссива, обещания субъекта самому себе: *mi dico // vabbè sì*, или квеситива: *I say to myself, what else*), в поэтическом дискурсе речевой глагол теряет однозначную связь с типом речевого акта: он выражает разные функции, превращаясь в «контейнер» саморефлексии субъекта.

Например, *mi dico: che sarà mai!* (V. Magrelli) выражает функции экспрессива, направленного на самого субъекта и выражающего ироническое отношение к происходящему; автокоммуникативного директива в значении приказа самому себе «не придавать значения»; риторического вопроса, или квеситива с функцией утверждения в оценочной модальности. Схожее комплексное сочетание функций можно выделить в примере *что же? — себе говорю / место ль не тронута*

²⁸ имея эту уверенность, я сказал хорошо, это не то, что меня беспокоит, // в то время как если у меня есть сомнения, я говорю себе хорошо, да, // это давит на тебя, // я говорю, может быть, тогда этот парень подумает, что

²⁹ кто, по крайней мере, даст ему некоторую информацию об этом. Тем не менее, я говорю себе, что еще вы действительно можете получить, снова опарывая это и

³⁰ что питает свою боль: знание. Что в этом такого! — говорю я себе, / и тем временем жадно роюсь, / чтоб отыскать / изгиб, знак и необратимую борозду

³¹ Разве я не обязана, думаю, (говорю я себе) относиться к нему с нежностью, / сосредоточиться на его теле, а не на лице, которое в данном случае / так бесстрастно

³² мы говорим себе, что пора / Или друг другу мы говорим это / И, локти к кровати, руки к голове

³³ Я тоже зову себя псом, я тоже называю себя зверем / за эту мою способность расти в траве

бывшего взгляда (Г. Айги): сочетание репрезентатива с неуверенной эпистемической установкой, квеситива и экспрессива, формирующего риторический вопрос.

Таким образом, автокоммуникативная функция в поэзии притягивает другие функции, формируя сложные речевые акты, в которых совмещаются директив и комиссив, риторический вопрос и разные виды эпистемической модальности.

4) **Метаязыковая функция**, согласно Р. Якобсону, ориентирована на код сообщения и сводится к толкованию его элементов [26, с. 203].

По данным национальных корпусов:

Она характерна как для обыденного, так и для поэтического языка, но в устной речи употребляется преимущественно с целью перефразирования и уточнения вышесказанного в значении 'объясняю', что выражается с помощью метатекстовых вставок, типа *я имею в виду, nel senso, in the sense*.

РЯ: Явлинский Григорий Алексеевич: *Когда я говорю / мы это сделаем / я имею в виду / что мы пройдем свою часть пути* [Григорий Явлинский. Выступление на XIX съезде партии «Яблоко» (2016)]

ИЯ: *io della loro // modalità di gestione di questa occupazione non ne dividevo un cazzo // nel senso che dico va bene tenerci il posto // io ero dell'idea di // ce lo occupiamo // tanto la porta è aperta // quando ti serve te la prendi // // ma quello*³⁴ (PTD012)

АЯ: *Stegall,?? is a sensitive guy. I say that in the sense of being a perfectionist. He likes everything nice and*³⁵ (SPOK: Fox Cavuto)

По данным ПК:

В силу обостренной «метаязыковой рефлексии», характерной для современной поэзии, способности ее проявления и дополнительные функции в поэтических текстах гораздо более разнообразны, чем в разговорной речи.

4.1) Метаязыковая функция может выражаться при употреблении метаязыковой лексики (*слова; parole*), а также с помощью повтора самого глагола говорения:

РЯ: *Эти слова, о которых / я говорю, не должны быть сложнее... не сложнее всего / прочего, что часто пишут на рождественских открытках* (И. Данишевский)

ИЯ: *spiegando / le tredici pieghe di un pensiero / decifro l'accorta sentenza che scende / sulle mie sentimentali parole che dico / che dico fingendo anche l'amore*³⁶ (P. Cavalli)

АЯ: *What I say is what I meant / & what I saw is what I said / But neither seen nor spoke / Is what I think I thought*³⁷ (Ch. Bernstein)

Прокомментируем англоязычный пример, в котором не только расширяется количество функций (репрезентативная, метаязыковая и автокоммуникативная), но и происходит своеобразная деконструкция речевого акта через «обнажение» (термин В.Б. Шкловского) его коммуникативной структуры. Здесь глаголы говорения, восприятия и мышления (*say, mean, see, think*) выстраиваются в логическую цепочку, но каждая следующая фраза ставит под сомнение достоверность предыдущей. Местоимение *what* с глаголом *I say*, которое традиционно вводит придаточные определительные предложения, уточняющие содержание высказывания, в данном контексте не соотносится с конкретной пропозицией или внеязыковой ситуацией, а выступает как маркер сбоя референции и как средство деавтоматизации восприятия. Если по Л. Витгенштейну значение слова — в его употреблении, то здесь осмысливается референциальный парадокс, когда язык утрачивает способность выражать значения и удостоверить мысль или опыт.

³⁴ я ни хрена // не согласен с их способом управления этим занятием // **в смысле, я говорю** ну, ладно, пусть мы и держим за собой это место // но я-то был за то, чтобы // мы его заняли // ведь дверь открыта // когда тебе нужно, приходишь и берешь

³⁵ Стегалл,?? чувствительный парень. **Я говорю это, в смысле**, перфекционист. Ему нравится все красивое и

³⁶ объясняя / тринадцать изгибов мысли / я расшифровываю осторожное предложение, которое нисходит / на мои **сентиментальные слова, которые я говорю / которые я говорю**, даже притворяясь, что люблю

³⁷ **То, что я говорю**, — это то, что я имел в виду, / а то, что я увидел, — это то, что я сказал. / Но ни увиденное, ни сказанное — / не то, что, как мне кажется, я думал.

4.2) Метаязыковая рефлексия может выражаться также через осмысление процессов грамматикализации и прагматикализации³⁸, связанных с процессами смыслового «выветривания», что выражается через сближение глаголов в иллокутивной и в дискурсивной функциях (т.е. в виде дискурсивных маркеров)³⁹:

РЯ: — какое дело но: *скажу* / да: в месяц маков *говорю* и роз / чтоб — *так сказать* — смягчить (Г. Айги); *Что ж. Я готов. Я говорю: прощай, / жизнь обезжизненная, так сказать* (В. Соснора); *Вот, говорю я, вот, говорю я, вот, / говорю, говорю, а в печенках — лай автомата: / Вадик Толян весь магазин в живот / спьяну всадил, мол, так тебе, пес, и надо* (О. Чухонцев)

АЯ: *They say mine was round. I say it was / central, awful, between that great bush and some stones she / had. We waited for our faces to come round, you know*⁴⁰ (С. Coolidge); *Rapt attention / on a stalk, / surprised by thirst. / JUST SAYING / We're all saying the same thing now*⁴¹ (R. Armantrout)

Этот прием реализуется с помощью повтора глагола говорения, который имеет омоним в виде дискурсивного маркера: *скажу, говорю* и *так сказать*; *I say, We're all saying* и *they say* в значении 'поговаривают', *JUST SAYING* в значении 'просто к сведению'.

В примере из О. Чухонцева *говорю* реализует двойную функцию — как иллокутивный глагол и как дискурсивный маркер. В функции репрезентатива говорящий «действует» через высказывание, когда речь становится способом психического реагирования на травмирующее событие. Однако повтор (*вот, говорю я, вот, говорю я, вот, / говорю, говорю*) делает высказывание метакомментарием к собственному говорению, ослабляя семантически и переводя в категорию прагматизированных единиц, на что указывает также постановка в независимой синтаксической позиции и выделение запятыми. На возможность прочтения *говорю* как дискурсивного маркера указывает и другая прагматическая единица — *мол*, которая здесь одновременно передает чужую речь и отстраненную речь самого субъекта.

4.3) Еще одна форма выражения — через контекстуальное сближение глаголов в личной и безличной форме, что связано с осмыслением границ эпистемической модальности и выражается через сдвиг между безличной формой *si dice* и личной формой *dico*:

*(la sinistra, sull'anca, mi fa un'ansa): non ho una testa, ma un preservativo, / così si dice (e si diceva) e dico: / [a tronco / di cono, che è come un pesce plissettato e rugoso*⁴² (E. Sanguineti)

При этом полисемия в поэзии не снимается, а остается неотъемлемой частью интерпретации.

5) Нарушение условия искренности

Один из основных признаков перформативов, выделенных Дж. Сёрлем, гласит, что «неприемлемым... будет соединение эксплицитного перформативного глагола с отрицанием выражаемого им психологического состояния. Так, нельзя сказать: „утверждаю, что р, но не думаю, что р“ и т.п.» [30, с. 174].

В поэзии, ориентированной на выражение внутреннего конфликта, в том числе (авто)коммуникативного, нарушение условия искренности и иллокутивное самоубийство являются распространенными способами выражения перформативности: это не просто отказ от коммуникации, а жест, в котором высказывание отменяет само себя, обнажая внутренний конфликт между говорящим субъектом и языком как таковым.

Для поэтического дискурса характерны разные формы нарушения условия искренности, в отличие от обыденной коммуникации, для которой необходимо соблюдение и поддержание речевых конвенций.

³⁸ Подробнее о контекстуальной ресемантизации и депрагматикализации в поэзии см. в [7].

³⁹ О грамматикализации глаголов говорения см. [38].

⁴⁰ **Говорят**, моя была круглой. **Я говорю**, она была / в центре, ужасная, между тем огромным кустом и камнями, что у нее / были. Мы ждали, пока наши лица появятся, понимаешь

⁴¹ Прикованное внимание к стеблю, удивленное жаждой. **ПРОСТО К СВЕДЕНИЮ Мы сейчас все говорим** одно и то же

⁴² (левая, на бедре, ко мне примыкает): у меня не голова, а презерватив / **так говорят (и говорили), и я говорю:** / в форме усеченного / конуса, как рыба, в складках и морщинах

Аналогичным акту нарушения условия искренности, который выражается формулой «Я говорю, что я не говорю», в русском языке является устойчивая фраза *Я (уже) не говорю о*, которая имеет эквиваленты в других языках: в итальянском *Per non parlare di / Non ti dico* и в английском *Not to mention / And I won't even mention*. Однако эти конструкции означают не отказ от говорения, а «о чем говорить не хочется / излишне упоминать» и используются в эмфатическом, усилительном или ироническом значении. Это выражение часто употребляется после перечисления негативных фактов и вводит еще более критичный или очевидный пример: *У них света и отопления нет — я уже не говорю про воду!*

По данным ПК:

Нарушение условия искренности, выраженное формулой «Я говорю, что я не говорю»:

РЯ: *я убила всех своих первооткрывателей / за то что они сделали со мной / я теперь не говорю по-русски* (М. Малиновская); *Он. Если и вы понимаете то, о чем я не говорю, скажите «да» <...> Она. Вы не говорите мне, а я не говорю вам. / Он. Мы не говорим друг другу. Мы молчим* (С. Бирюков)

ИЯ: *dico che lascio parole d'amore: / dico quelle che scrissi e che non scrissi, / dico quelle che dissi e che non dissi*⁴³ (E. Sanguinetti)

АЯ: *Chapter twenty-four. This represents my / having said so. I am saying the 6th. But not always as ready. The figurative / would seem aware of a trick deployed a couple of lines before. So I don't / say this*⁴⁴ (S. McCaffery)

В примере из М. Малиновской фраза *я теперь не говорю по-русски* выражает нарушение искренности, выраженное парадоксом: субъект утверждает, что не говорит по-русски, и делает это на том самом языке, от которого отказывается. В этом высказывании акт отказа субъектом от собственной идентичности выражается через отчуждение от языка, выраженное на этом языке. В тексте С. Бирюкова глагол *говорить* сохраняет иллюкутивную форму, но прагматически отрицает исполнение речевого акта. Во фразе *dico quelle che dissi e che non dissi* Э. Сангинетти выражается прагматическое расщепление высказывания, поскольку *dico* охватывает и сказанное, и несказанное, одновременно расширяя границы речевого действия и аннулируя его. Форма перформативного отрицания выражена во фразе *So I don't / say this* (С. Маккафери) в значении «я совершаю акт, одновременно отменяя его», что приводит к переводу жеста «я не говорю» в актуальное речевое событие.

Выводы

Сочетание корпусного и дискурсивного методов при изучении прагматических единиц позволяет выявить более широкий спектр их значений и функций, а также активизацию полисемии в поэтическом дискурсе на фоне употребления в разговорной речи. Глаголы говорения, которые обладают не выраженным однозначно иллюкутивным намерением, оказываются одними из наиболее часто употребляемых иллюкутивных глаголов, по данным составленного нами корпуса новейшей поэзии и корпусов устной речи. Это связано с тем, что *verba dicendi* могут выражать разные значения и функции в высказывании, выступая в роли своеобразного «контейнера», способного участвовать в формировании разных речевых актов.

Употребление речевых глаголов в поэзии позволило сделать вывод об их двойной автореферентности, присущей как перформативам в целом (согласно Э. Бенвенисту), так и поэтическим высказываниям (согласно Р. Якобсону). Употребляя иллюкутивные глаголы, и особенно глаголы говорения, субъект намеренно выводит на поверхность факт того, что речь — это действие, совершаемое в акте поэтической коммуникации и вовлекающее читателя в интеракцию. Однако, используя речеактные глаголы как единицы обыденной коммуникации, поэтический дискурс

⁴³ **Я говорю**, что оставляю слова любви: / говорю, что написал и что не написал, / **говорю то, что сказал, и то, что не сказал**

⁴⁴ Глава двадцать четвертая. Это означает, что / я так сказал. **Я говорю** шестое. Но не всегда с готовностью. Фигуративное / словно бы осознает уловку, примененную парой строк раньше. **Так что я не / говорю это**

подвергает их метаязыковой рефлексии и делает частью прагматического эксперимента, намеренно фокусируясь на перформативных особенностях поэтического речевого акта. Перформатив *я говорю* превращается в поэзии не только в средство фиксации речевого действия, но и в инструмент метаязыковой рефлексии, в том числе осмысливания границ и иллокутивных функций говорения, за счет чего высказывание приобретает экзистенциальное и онтологическое измерения, не характерные для обычной коммуникации.

В целом такое внимание поэтов к ИГГ связано с их полисемией и полифункциональностью, важной для формирования неоднозначности поэтического высказывания, с установкой поэтического дискурса на автокоммуникацию, согласно которой любое поэтическое высказывание адресовано как другому, так и самому себе, а также со стремлением современной поэзии на преодоление дистантной коммуникации и вовлечение адресата в интеракцию. Изменение коммуникативных условий высказывания (связанных как с преодолением границы между обыденным и поэтическим высказыванием, так и с влиянием новых медиа) часто выступает триггером для языкового эксперимента в поэзии, в силу чего можно говорить об активизации прагматического эксперимента в поэтическом дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов Ю.С.** Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
2. **Золян С.Т.** Семантика и структура поэтического текста. М.: URSS, 2014. 336 с.
3. **Радбиль Т.Б.** Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
4. **Kraxenberger M.** Jakobson Revisited: Poetic Distinctiveness, Modes of Operation, and Perception // Rivista Italiana di Filosofia e del Linguaggio. 2014. Vol. 8, No. 1. P. 10–21. DOI: 10.4396/20140603
5. **Capone A.** A pragmatic view of the poetic function of language // Semiotica. 2023. No. 250. P. 1–25. DOI: 10.1515/sem-2020-0012
6. **Фещенко В.В.** Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
7. **Соколова О.В., Захаркив Е.В.** Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 328 с.
8. **Austin J.L.** How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962. Oxford: Clarendon Press, 1962. 167 p.
9. **Leech G.N.** Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
10. **Levinson S.C.** Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press. 1983. 420 p.
11. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 444 с.
12. **Степанов Ю.С.** Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
13. **Fraser B.** Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6, Iss. 2. P. 167–190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
14. **Aijmer K., Simon-Vandenberghe A.-M.** Pragmatic markers // Discursive Pragmatics / ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 223–247. DOI: 10.1075/hoph.8.13aij
15. **Богданова-Бегларян Н.В.** Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–19.
16. **Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New perspectives** / ed. by C. Fedriani, A. Sansò. Amsterdam: John Benjamins, 2017. 492 p.
17. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107

18. **Beeching K.** Pragmatic Markers in British English: Meaning in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 255 p. DOI: 10.1017/CBO9781139507110
19. **Зыкова И.В.** Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. С. 11–20.
20. **Wierzbicka A.** English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 487 p.
21. **Ермолаева И.А.** Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, Вып. 3. С. 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.306
22. **De Mauro T.** Intelligenti pauca // Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi / a cura di P. Cipriano, P. Di Giovine, M. Mancini. Roma: Il Calamo, 1994. Vol. 2: Linguistica romanza e Storia della lingua italiana. Linguistica generale e Storia della linguistica. P. 865–875.
23. **Stoica I.** The Syntax and the Semantics of Manner of Speaking Verbs. Bucharest: Bucharest University Press, 2021. 218 p.
24. **Dixon R.M.W.** A Semantic approach to English grammar. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 542 p.
25. **Зализняк А.А.** Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 635 с.
26. **Якобсон Р.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
27. **Падучева Е.В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985. 293 с.
28. **Говорухо Р.А.** Глаголы речи в русском и итальянском текстах (пропозициональный аспект) // Проблемы итальянистики. Вып. 7: Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. М.: РГГУ, 2019. С. 135–160.
29. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
30. **Сёрль Дж.Р.** Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
31. **Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю.** Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27
32. **Козловский Д.В.** Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104
33. **Соколова О.В.** «Штык-язык остри и три!»: Языковые политики поэтического авангарда. М.: Культурная революция, 2024. 551 с.
34. **Соколова О.В.** Иллокутивные функции итальянского глагола *dire*: корпусно-дискурсивный анализ // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1 (62). С. 288–293.
35. **Вендлер З.** Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
36. **Лотман Ю.М.** Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. М.; СПб.: Искусство, 2000. С. 159–165.
37. **Фешенко В.В.** Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М.: Языки славянских культур, 2009. 392 с.
38. **Подлесская В.И.** Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация // Логический анализ языка. Вып. 7: Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 42–45.

REFERENCES

- [1] **Stepanov Yu.S.**, Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka [Language and Method. Towards a Modern Philosophy of Language], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1998.
- [2] **Zolyan S.T.**, Semantika i struktura poeticheskogo teksta [Semantics and structure of poetic text], URSS, Moscow, 2014.

- [3] **Radbil T.B.**, Yazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya [Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2017.
- [4] **Kraxenberger M.**, Jakobson Revisited: Poetic Distinctiveness, Modes of Operation, and Perception, *Rivista Italiana di Filosofia e del Linguaggio*, 8 (1) (2014) 10–21. DOI: 10.4396/20140603
- [5] **Capone A.**, A pragmatic view of the poetic function of language, *Semiotica*, 250 (2023) 1–25. DOI: 10.1515/sem-2020-0012
- [6] **Feshchenko V.V.**, Yazyk v yazyke. Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki [Language in language. Artistic discourse and foundations of linguistics], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2022.
- [7] **Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V.**, Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [8] **Austin J.L.**, How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962, Clarendon Press, Oxford, 1962.
- [9] **Leech G.N.**, Principles of Pragmatics, Longman, London, 1983.
- [10] **Levinson S.C.**, Pragmatics, Cambridge University Press, Cambridge, 1983.
- [11] **Benveniste É.**, Obshchaya lingvistika [General linguistics], ed. by Yu.S. Stepanov, Progress, Moscow, 1974.
- [12] **Stepanov Yu.S.**, Emil Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy. Vstupitelnaya statya [Émile Benveniste and Linguistics in Transformation: Introductory Article], Benveniste É., Obshchaya lingvistika [General linguistics], ed. by Yu.S. Stepanov, Progress, Moscow, 1974.
- [13] **Fraser B.**, Pragmatic markers, *Pragmatics*, 6 (2) (1996) 167–190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
- [14] **Aijmer K., Simon-Vandenberg A.-M.**, Pragmatic markers, *Discursive Pragmatics*, ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren, John Benjamins, Amsterdam, 2011, pp. 223–247. DOI: 10.1075/hoph.8.13aij
- [15] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3 (27) (2014) 7–19.
- [16] **Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New perspectives**, ed. by C. Fedriani, A. Sansò, John Benjamins, Amsterdam, 2017.
- [17] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3) (2024) 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [18] **Beeching K.**, Pragmatic Markers in British English: Meaning in Social Interaction, Cambridge University Press, Cambridge, 2016. DOI: 10.1017/CBO9781139507110
- [19] **Zykova I.V.**, Yazyk i diskursy: na novykh rubezhakh teorii lingvokreativnosti [Language and Discourses: On New Frontiers of the Theory of Linguocreativity], *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti* [Linguocreativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities], ed. by I.V. Zykova, R. Valent, Moscow, 2021, pp. 11–20.
- [20] **Wierzbicka A.**, English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary, Academic Press, Sydney, 1987.
- [21] **Yermolayeva I.A.**, Semantic Classification of the Russian Speech Act Verbs. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 14 (3) (2017) 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.306
- [22] **De Mauro T.**, Intelligenti pauca, *Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi*, a cura di P. Cipriano, P. Di Giovine, M. Mancini, Il Calamo, Roma, 1994, Vol. 2: Linguistica romanza e Storia della lingua italiana. Linguistica generale e Storia della linguistica, pp. 865–875.
- [23] **Stoica I.**, The Syntax and the Semantics of Manner of Speaking Verbs, Bucharest University Press, Bucharest, 2021.
- [24] **Dixon R.M.W.**, A Semantic approach to English grammar, 2nd ed., Oxford University Press, Oxford, 2005.
- [25] **Zaliznyak A.A.**, Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive [Russian semantics in typological perspective], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2013.
- [26] **Jakobson R.**, Linguistics and Poetics, *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: pros and cons], ed. by Ye.Ya. Basin, M.Ya. Polyakov, Progress, Moscow, 1975, pp. 193–230.
- [27] **Paducheva Ye.V.**, Vskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu [Statement and its correlation with reality], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1985. 293 s.
- [28] **Govorukho R.A.**, Glagoly rechi v russkom i ital'yanskom tekstakh (propozitsionalnyy aspekt) [Verbs of speech in Russian and Italian texts (propositional aspect)], *Problemy italyanistiki* [Problems of Italian Studies], Iss. 7: Ital'yanskiy yazyk i kultura: svyazi, kontakty, zaimstvovaniya [Italian language and culture: connections, contacts, borrowings], RGGU, Moscow, 2019, pp. 135–160.

[29] **Arutyunova N.D.**, Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1999.

[30] **Searle J.R.**, Indirect speech acts, Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 17: Teoriya rechevykh aktov [Speech act theory], ed. by B.Yu. Gorodetskiy, Progress, Moscow, 1986, pp. 195–222.

[31] **Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu.**, Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae, Topics in the Study of Language, 2 (2021) 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

[32] **Kozlovsky D.V.**, The category of “evidentiality” as a means of transmitting fake information in the English-language media discourse, Terra Linguistica, 15 (1) (2024) 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104

[33] **Sokolova O.V.**, “Shtyk-yazyk ostri i tri!”: Yazykovyye politiki poeticheskogo avangarda [“Bayonet-tongue, sharpen and rub!”: Language Politics of the Poetic Avant-garde], Kulturnaya revolyutsiya, Moscow, 2024.

[34] **Sokolova O.V.**, Illokutivnyye funktsii italyanskogo glagola dire: korpusno-diskursivnyy analiz [Illocutionary functions of the Italian verb dire: a corpus-discourse analysis], Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language], 1 (62) (2025) 288–293.

[35] **Vendler Z.**, Illokutivnoye samoubiystvo [Illocutionary suicide], Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], ed. by Ye.V. Paducheva, Progress, Moscow, 1985, pp. S. 238–250.

[36] **Lotman Yu.M.**, Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kultury) [Autocommunication: “I” and “Other” as addressees (On two models of communication in the cultural system)], Semiosfera [Semiosphere], Iskustvo, Moscow, St. Petersburg, 2000.

[37] **Feshchenko V.V.**, Laboratoriya logosa. Yazykovoy eksperiment v avangardnom tvorchestve [Logos Laboratory. Language Experiment in Avant-garde Creativity], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2009.

[38] **Podlesskaya V.I.**, Nepryamyie upotrebleniya glagolov rechi i ikh grammatikalizatsiya [Indirect uses of speech verbs and their grammaticalization], Logicheskiy analiz yazyka [Logical analysis of language], Iss. 7: Yazyk rechevykh deystviy [Language of speech acts], Nauka, Moscow, 1994.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Соколова Ольга Викторовна

Olga V. Sokolova

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Поступила: 14.07.2025; Одобрена: 09.09.2025; Принята: 19.09.2025.

Submitted: 14.07.2025; Approved: 09.09.2025; Accepted: 19.09.2025.